

М. В. Гаврилова^{ab}<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>✉ mariavl.gavrilova@gmail.com^a *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*^b *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

ПАМЯТЬ О МУСЕ ПИНКЕНЗОНЕ: МЕЖДУ НАИВНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ, ФОЛЬКЛОРОМ И ЛОЖНЫМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ

Аннотация. В декабре 1942 г. в станице Усть-Лабинской Краснодарского края во время массового расстрела погиб 12-летний скрипач Муся Пинкензон. Согласно публикациям в прессе, которые начали появляться весной 1943 г., перед смертью он исполнил на скрипке «Интернационал». Хотя в достоверности этой версии есть сомнения, благодаря ей история Муси Пинкензона приобрела всесоюзную известность. В послевоенные годы в Усть-Лабинске вокруг фигуры этого пионера-героя сложилось сообщество, которое поддерживало память о нем в течение многих десятилетий. Материалом для исследования стали мемуары местных жителей о Мусе Пинкензоне, которые рассматриваются как часть определенной литературно-фольклорной традиции. Выясняется, что «официальная» версия обстоятельств расстрела, в основе которой лежит мотив «героическое музицирование на пороге смерти», отвечала общим запросам и поэтому вытеснила из памяти реальный опыт очевидцев. В статье анализируется содержание воспоминаний о Мусе Пинкензоне — в частности, прослеживаемые в них общие сюжетные элементы и риторические приемы. Выявляется, что одна их часть почерпнута из медиа, литературных источников, фольклора и воспоминаний предшественников, а другая выполняет «служебную» функцию — подтвердить право рассказчика на свидетельство и подчеркнуть его положительную роль в этой истории. Таким образом, историческое воспоминание — это продукт социально-политической, культурной, информационной среды и интересов самого рассказчика и его сообщества.

Ключевые слова: Холокост, устная историческая память, наивная литература, коммеморация, политика памяти

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Для цитирования: Гаврилова М. В. Память о Мусе Пинкензоне: между наивной литературой, фольклором и ложными воспоминаниями // Шаги/Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 58–84.

Поступило 26 января 2024 г.; принято 8 июня 2024 г.

M. V. Gavrilova^{ab}<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>✉ mariavl.gavrilova@gmail.com^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

REMEMBERING MUSYA PINKENZON: BETWEEN NAÏVE LITERATURE, FOLKLORE AND FALSE MEMORIES

Abstract. In December 1942, in the village of Ust-Labinskaya near the city of Krasnodar, a mass execution of Jews took place, during which 12-year-old violinist Musya Pinkenzon perished. According to press publications that began to appear in the spring of 1943, before his death he performed the communist anthem “The Internationale” on the violin. There are doubts about the reliability of this version, but thanks to it, the story of Musya Pinkenzon became known throughout the Soviet Union. After the war, a memorial community was formed in the city of Ust-Labinsk around Musya Pinkenzon. This community has been keeping alive the memory of this pioneer hero for many decades. Using the case of Musya Pinkenzon as an example, this article examines the question of how local oral historical memory is formed and what it consists of. The material for this study is 12 memoirs, most of which were obtained during two expeditions to Krasnodar and Ust-Labinsk, undertaken in 2022–2023 as part of the project “Jewish commemorative practices and the modern cult of Victory”, as well as observations and interviews with local residents. Memories of Musya Pinkenzon are considered part of a special literary and folklore tradition. It turns out that the “official” version of the circumstances of the shooting, which is based on the motif of “heroic music-making on the verge of death”, was more demanded by the local community and therefore it crowded out the real experience of eyewitnesses from memory. The article analyzes the content of the memoirs about Musya Pinkenzon — in particular, the general plot elements and rhetorical devices found in them. As a result, it turns out that one part of them is drawn from the media, literary sources, folklore and memories of predecessors, and the other performs a utilitarian function — it confirms the narrator’s right to testify and emphasize his positive role in this story. Thus, historical memory is a product of the socio-political, cultural, information environment and the interests of the narrator himself and his community.

Keywords: Holocaust, oral history, naïve literature, commemoration, memorial policy

Acknowledgements. The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Gavrilova, M. V. (2024). Remembering Musya Pinkenzon: Between naïve literature, folklore and false memories. *Shagi/Steps*, 10(3), 58–84. (In Russian).

Received January 26, 2024; accepted June 8, 2024

В какой степени то, что мы знаем и помним, происходит из нашего жизненного опыта и принадлежит лично нам, а в какой взято из информационного фона и культурного багажа? Почему одни подробности попадают в наш рассказ о прошлом, а другие нет? Откуда мы черпаем средства, которые помогают нам облекать свои воспоминания в повествовательную форму? Эти вопросы встают перед психологами, социологами, историками, фольклористами¹. Моя статья посвящена событию, достаточно рядовому для своего времени (хотя это не делает его менее чудовищным), но оставившему о себе гораздо более долгую локальную память, чем аналогичные происшествия в других местах².

В августе 1942 г. немцы оккупировали станицу Усть-Лабинскую Краснодарского края. В декабре на высоком берегу реки Кубани, в районе остатков Краснофорштадтской крепости, возведенной во времена Александра Суворова, они устроили массовый расстрел. Согласно «Акту, фиксирующему зверства немецко-фашистских оккупантов в ст. Усть-Лабинской» [Игнатова 2023: 37], жертвами этого преступления стали 387 человек, из которых 300 были евреями, 35 — русскими, а 52 — «неустановленной национальности». Среди евреев, погибших в Усть-Лабинской, оказались представители трех поколений семьи Пинкензон: врач-хирург Владимир Пинкензон, его родители, жена и 12-летний сын Абрам, домашнее имя которого было Муся (от «Абрамуси»). Эта семья эвакуировалась из города Бельцы Молдавской ССР. В Усть-Лабинской доктор Пинкензон работал в военном госпитале, а его сын Муся учился в школе № 1 и часто играл на скрипке перед публикой.

Будучи одной из жертв «Холокоста от пуль», Муся Пинкензон после смерти получил совсем другую славу — славу пионера-героя. Еще в советские годы в Усть-Лабинске (в 1958 г. станица стала городом) вокруг него сложился культ. Коммеморативную активность охотно поддерживали местные власти, что было довольно необычно, учитывая тогдашнюю государственную политику «забвения» фактов геноцида евреев во время Великой

¹ См., например: [Loftus, Palmer 1974; Schacter 2001; Портелли 2005; Вельцер 2005; Blatz, Ross 2009].

² Во время оккупации в СССР было убито более 2,5 млн евреев, значительную часть жертв составляли дети [Альтман 2002: 200]. Однако в течение послевоенных десятилетий факты Холокоста замалчивались, а места захоронения жертв в советское время редко становились центрами коммеморативной активности, особенно со стороны неевреев (об этом см.: [Zeltser 2019, Rebrova 2020]).

Отечественной войны³. Усть-лабинская школа № 1 в 1968–2013 гг. носила имя Муси Пинкензона [Имени Героя б. д.], местные школьники под руководством педагогов занимались сбором материалов о расстреле и послевоенных публикаций о Мусе. На берегу Кубани стоит большой памятник юному скрипачу. В течение многих десятилетий возле него проходят мемориальные мероприятия — пионерские слеты, возложение «гирлянд памяти» и т. п.

Причина такого внимания — официальная версия обстоятельств гибели мальчика. Согласно ей, перед расстрелом Муся получил у немцев разрешение сыграть на скрипке и неожиданно исполнил «Интернационал» (до 1944 г. это был гимн СССР), что разозлило оккупантов и вдохновило устьлабинцев на сопротивление. Эта версия событий популярна по сей день. Она воспроизводится в том числе в работах историков, специализирующихся на теме Холокоста на территории СССР [Альтман 2002: 315; Rebrova 2020: 3–7], не говоря уже об изданиях, рассчитанных на массового читателя. История юного скрипача легла в основу немалого количества стихотворных и прозаических текстов⁴, сценария анимационного фильма⁵ и произведений наивного творчества.

В отличие от многих других советских пионеров-героев, образ Муси Пинкензона востребован и сегодня. С одной стороны, подвиг маленького скрипача находит отклик у самых разных людей, которые видят у себя нечто общее с ним: юный возраст, еврейское происхождение, любовь к музыке, приверженность идее ненасильственного сопротивления. С другой стороны, его история актуальна сегодня, когда Великая Отечественная война, и особенно связанная с ней героика, находится в центре государственной политики памяти⁶. И, конечно же, особое значение фигура Муси Пинкензона имеет для жителей Усть-Лабинска.

В этой статье речь пойдет об отражении истории гибели Муси Пинкензона в памяти людей, которые заявляли о личном знакомстве с ним. На примере этого случая будет интересно разобраться в том, как может быть устроена память об историческом событии, связанная с локальной идентичностью. Решить эту задачу мне поможет анализ текстов воспоминаний, дополненный антропологическим исследованием сообщества, продуктом чьего коллективного творчества они являются. Во-первых, я рассмотрю содержание рассказов о Мусе Пинкензоне: что в них говорится, а о чем умалчивается; в чем воспоминания разных людей совпадают друг с другом, а в чем расходятся. Во-вторых, я опишу общие для всех мемуаров сюжетные мотивы и риторические приемы. И, наконец, я постараюсь объяснить, чем обусловлены все эти особенности и какова функция подобных рассказов для их авторов и для локального сообщества. Материалом для исследования стали 12 мемуаров, большинство которых было

³ См. об этом, например: [Блюм 1996: 88–116; Альтман 2005].

⁴ Например: [Успенская 1943; Гусев 1948: 60–61; Виноградский 1951; Великанов 1962; Макаренко 1968; Каменкович 1970] и др.

⁵ Скрипка пионера (реж. Борис Степанцев, сценарий Юрия Яковлева, оператор Михаил Друян. Союзмультфильм, 1971. 8 мин.).

⁶ Об этом см.: [Копосов 2011: 162–168].

получено во время двух экспедиций в Краснодар и Усть-Лабинск, принятых в 2022–2023 гг. в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы»⁷, а также интервью с местными жителями и наблюдения.

Происхождение сюжета о Мусе Пинкензоне

Следует начать с того, что официальная версия гибели Муси Пинкензона вызывает сомнения. Версия с «Интернационалом» впервые была изложена в заметке «Как погиб Муся Пинкензон», опубликованной 8 мая 1943 г. в районной газете «Советская Кубань» [Кононенко 1943а]. Автор материала — Елена Викторовна Кононенко, советская писательница, которая во время войны работала военным корреспондентом газеты «Правда». Весной 1943 г. она приехала на Кубань, чтобы освещать Первый краснодарский процесс⁸. При этом свою заметку Кононенко подписала: «директор Усть-Лабинской средней школы № 1», что было неправдой⁹. Позже, в очерке «Слава советским детям!», который вышел в газете «Правда» в 1945 г., Кононенко призналась: «Я не была на этой площади, но я слышу, как играл ребенок этот гимн, я слышу это, и душа моя радуется и плачет!» [Кононенко 1945]. Почему журналистка выдала себя за директора школы? Скорее всего, ради создания у читателей впечатления, что автор знала Мусю лично и чуть ли не была свидетельницей расстрела¹⁰.

Описание расстрела в Усть-Лабинской также можно найти в актах нескольких чрезвычайных комиссий, призванных зафиксировать «зверства немецко-фашистских захватчиков» и нанесенный ими урон¹¹. Все они

⁷ В рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

⁸ Краснодарский процесс прошел 14–17 июля 1943 г. и стал первым в СССР открытым судебным процессом над пособниками немецких нацистов. На нем осудили 13 советских граждан, задействованных во вспомогательных частях зондеркоманды 10а. Кононенко была в числе журналистов, чья функция состояла в том, чтобы трансформировать ход и результаты процесса в пропагандистское высказывание (об этом см.: [Тажидинова 2019]). Кононенко — автор самого известного очерка о Первом краснодарском процессе, который сформировал представления о том, как проходила оккупация Краснодара [Кононенко 1943b].

⁹ В действительности директором школы № 1 во время войны была Галина Покровская.

¹⁰ Аналогичным образом рассказчики городских легенд для придания им большего правдоподобия часто передают их не как нечто случившееся с «другом моего друга», а от первого лица [Oring 2008].

¹¹ «Акт, фиксирующий зверства немецко-фашистских оккупантов в станице Усть-Лабинской» от 18 мая 1943 г. [Игнатов 2023: 37], «Акт о причиненных немецко-фашистскими оккупантами убытках и массовом истреблении мирных жителей Усть-Лабинского района» от 20 мая 1943 г. [Там же: 73], «Акт Усть-Лабинской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» [Беляев, Бондарь 2005 (1): 650] (дата составления документа в сборнике не указана) и «Акт Краснодарской краевой комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» от 30 июля 1943 г. [Бровко 2020: 50–52].

были составлены в мае — июне 1943 г., уже после выхода заметки Кононенко, причем в двух актах ее текст был использован в качестве источника, а в одном (от 18 мая 1943 г.) он воспроизводится дословно. Именно в этих документах рассказывается об исполнении Мусей Пинкензоном «Интернационала», в других же актах этой версии нет.

Четыре акта довольно существенно расходятся друг с другом в деталях преступления. Согласно документу от 18 мая, расстрел производился в течение нескольких дней: начиная с 15 декабря рано утром и поздно вечером людей вывозили на берег Кубани группами по 30–40 человек и там убивали. В акте от 20 мая называется только дата казни, а об обстоятельствах ничего не говорится. В двух остальных документах сообщается, что жертв расстреляли 15 декабря в 15 часов, выстроив двумя шеренгами по 200 человек. Расхождение в версиях, скорее всего, объясняется тем, что в их основе лежат устные рассказы, полученные из разных источников. Расстрел в Усть-Лабинской происходил в середине декабря 1942 г., а самые ранние зафиксированные сведения о нем появились лишь через полгода после случившегося — уже сама по себе длительность временного промежутка между событием и свидетельствами о нем ставит их достоверность под вопрос. За такой срок часть обстоятельств могла забыться, одни события могли быть перепутаны с другими, могли возникнуть слухи и домыслы¹².

Сейчас уже невозможно достоверно установить, действительно ли Муся Пинкензон играл перед смертью «Интернационал». Однако существует ряд аргументов в пользу обратного. Во-первых, в самой ранней публикации о расстреле в «Советской Кубани», которая вышла 4 апреля 1943 г., т. е. за месяц до заметки Кононенко, упомянута гибель «врача-хирурга Пинкензона Владимира Борисовича со всей семьей», но ничего не говорится ни о Мусе, ни об исполнении «Интернационала» [Южная 1943]. Это говорит о том, что до мая 1943 г. будущая «официальная» версия событий еще не сложилась.

Во-вторых, версия Кононенко противоречит стандартной практике айнзатцгрупп. Так, нацистам предписывалось при аресте конфисковывать у евреев все более или менее ценные вещи, включая музыкальные инструменты [Альтман 2002: 130–154] — маловероятно, что Мусе могли оставить скрипку. Далее, версия с исполнением «Интернационала» подразумевает, что казнь была публичной, как если бы речь шла о партизанах. В ином случае героический жест не имел бы аудитории, что лишает его смысла и ставит вопрос о том, кто же тогда был его свидетелем. Однако еще весной 1942 г. айнзатцгруппы получили приказ от командующих тылом групп армий Восточного фронта: при «ликвидации евреев <...> необходимо строжайшим образом обращать внимание на то, чтобы население не видело и не слышало про это» [Там же: 205].

¹² В актах от 18 и 20 мая, помимо прочего, пересказывается популярный фольклорный сюжет о том, что нацисты перед расстрелом травили детей, намазав им губы ядом. При этом 12-летнего Мусю, по их же версии, не отравили, а расстреляли.

Тайный характер расстрела в Усть-Лабинской подтверждают и рассказы очевидцев. В одном из актов приводятся свидетельства местных жителей, которые не видели убийства, но слышали крики жертв:

Перед расстрелом советские граждане подвергались избиению. Плач, стоны и крики были слышны живущим [неподалеку] гражданам Полушковой Н. И. и Прасоловой Н. Д., которые являются очевидцами этих злодеяний [Беляев, Бондарь 2005 (1): 650].

В 2010 г. для Мемориального музея Холокоста в США был записано интервью с Б. И. Новиковым, жителем Усть-Лабинска, 1930 г. р. Этот мужчина, будучи в 1942 г. подростком, случайно увидел, как трупы расстрелянных евреев сбрасывали в яму. Вот что он рассказывал о поведении гитлеровцев:

...мне кажется, они старались сделать так, чтоб свидетелей не было. Я удивляюсь, как они по нам очередь не пустили [Novikov 2010].

По словам И., сотрудницы Усть-Лабинского краеведческого музея, аналогичным образом в 2010-е годы высказывалась другая местная жительница (ныне покойная), чей дом находился рядом с местом расстрела. В разговоре с И. женщина упоминала, что слышала выстрелы, но не скрипку.

Если очевидцы событий не сообщали об исполнении «Интернационала», то откуда вообще это стало известно? Единственный источник этой версии — публикация Кононенко. При этом журналистка, во-первых, не была свидетелем сама и не ссылалась на очевидцев из числа местных жителей, а во-вторых, по меньшей мере один раз солгала в своей заметке — о том, что является директором школы. Все это заставляет подозревать, что перед нами один из примеров пропагандистского мифотворчества сталинской эпохи, а не рассказ о реальных событиях¹³. История об исполнении Мусей Пинкензоном «Интернационала» — это яркий героический сюжет, привлекающий внимание. Описание жестокого убийства невинного ребенка, и к тому же маленького патриота СССР, призвано возбудить у читателей возмущение и желание отомстить. Недаром заметка Кононенко заканчивается прямым призывом: «Пусть светлый образ Муси Пинкензона, невинно погибшего от рук немецких бандитов вселит еще большую ненависть к немецким кровопийцам. Все — на разгром фашизма!» [Кононенко 1943].

Героический жест перед казнью (выкрикивание лозунгов, стоическое спокойствие, мрачный юмор и т. д.) — мотив, очень широко распространенный в фольклоре и литературе. Подобное поведение приписывается

¹³ Самые известные примеры подобного мифотворчества — истории Павлика Морозова [Келли 2009] и Зои Космодемьянской [Harris 2011].

практически всем казнимым персонажам, историческим¹⁴ или вымышленным¹⁵. Пение /музицирование — один из видов такого поведения¹⁶. Во время Великой Отечественной войны мотив «героический жест перед казнью» воспроизводился очень часто: в газетных заметках, очерках и даже в актах и свидетельских показаниях. Например, согласно актам, воспитанники краснодарских заведений для детей-инвалидов при загрузке в машины-«душегубки» выкрикивали: «Будьте вы прокляты, изверги. Мы умрем за нашу Родину, умрем за нашего родного Сталина. Прощайте, товарищи» [Игнатова 2023: 41]. По-видимому, именно так, с точки зрения авторов, должна была выглядеть достойная гибель, даже если речь шла о маленьких детях с особенностями здоровья.

Заметке Кононенко о Мусе Пинкензоне предшествовала статья в «Известиях» о подвиге юного партизана Александра Чекалина — он тоже исполнял перед казнью «Интернационал»:

6 ноября <...> на площади города Лихвин немцы на глазах населения вешали Шуру Чекалина, бойца за родину. <...> В мрачной тишине площади раздался его громкий голос: «Всех нас не перевешаете, паразиты. Нас еще очень много! Победа будет за нами!» И он запел «Интернационал». Веревка перехватила горло героя и вместе со словами гимна оборвала его жизнь [Народный герой 1942].

Весьма вероятно, что именно история Александра Чекалина послужила источником вдохновения для Кононенко. В статье «Слава советским детям» она поставила его в один ряд с Мусей Пинкензоном¹⁷. Наряду с этим версия о том, что Муся погиб не как еврей, а как маленький патриот СССР¹⁸, соответствовала идеологической линии, выбранной советским

¹⁴ Например: Жанна д'Арк, по преданию, перед сожжением стыдила епископа Пьера Кошона, вызывая его на Божий суд; Томас Мор шутил, адресуясь к палачу; Стенька Разин терпеливо выносил истязания и ругал сообщников, просивших пощады; Мата Хари принарядилась и послала расстрельной команде воздушный поцелуй; Николай Гумилев на вопрос «Кто здесь поэт Гумилев?» ответил: «Здесь нет поэта Гумилева. Здесь есть офицер Гумилев» и т. д.

¹⁵ Подобные сцены можно найти, например, в «Тарасе Бульбе» Николая Гоголя, «Оводе» Этель Лириан Войнич, в балладах о разного рода бунтовщиках, повстанцах и революционерах, в житиях святых мучеников и многих других произведениях.

¹⁶ Например, в известной балладе Роберта Бёрнса легендарный шотландский разбойник Джейми Макферсон поет песню, сочиненную им накануне казни, сопровождая себя на скрипке: «He played a spring, / and danced it round / Below the gallows-tree» («Так весело, / Отчаянно / Шел к виселице он, / В последний час / В последний пляс / Пустился Макферсон» — пер. С. Я. Маршака, «Макферсон перед казнью»).

¹⁷ В том же ряду — майкопский пионер Женя Попов, который перед расстрелом «торжествующим, по-детски задорным голосом» кричит: «Да здравствует советская Родина!» [Кононенко 1945].

¹⁸ В этом есть сомнения, учитывая тот факт, что Бельцы были присоединены к СССР в результате подписания пакта Молотова — Риббентропа незадолго до начала Великой Отечественной войны. Кроме того, нет сведений о том, принимали ли Мусю Пинкензона в пионеры [Бровко 2020: 7]. Между тем Кононенко ставит его добродетели в заслугу советскому воспитанию: «...сколько радости и счастья было на лице этого

государством после Сталинградской битвы. Согласно этой линии, расовые причины преступлений нацистов на оккупированных территориях в СМИ не афишировались, не проводилось различие между террором против всего населения и геноцидом отдельных его групп (евреев, цыган, инвалидов и др.), и для всех жертв использовалось общее обозначение «мирные советские граждане» [Альтман 2005].

Воспоминания о Мусе Пинкензоне: происхождение и содержание текстов

Хотя история Муси Пинкензона легла в основу множества публикаций в СМИ и художественных произведений, самым большим вкладом в ее популяризацию стала книга кишиневского журналиста Саула Ицковича, опубликованная в 1967 г. в серии «Пионеры-герои» [Ицкович 1967]¹⁹. Ицкович дополнил сюжет об «Интернационале» подробностями о довоенной жизни семьи Пинкензон, о которых он узнал от их родственников, семьи Гендлер. Благодаря этому образ героя в его книге менее «плакатный» и более живой, чем в заметке Кононенко. Но как и она, Ицкович ни разу не использовал слово *еврей* и изъясил из истории какую-либо связь с Холокостом²⁰. Согласно его версии, Владимира Пинкензона убивают за отказ сотрудничать с немцами, а Мусю — потому что он его сын. Вместе с Пинкензонами погибают какие-то другие люди, но о причинах расправы над ними ничего не сообщается. На иллюстрациях они изображены не как «мирные жители» (согласно заметке Кононенко и актам комиссий, это были женщины, старики и дети), а как партизаны — взрослые мужчины со следами боевых ранений²¹. Казнь в книге подана как публичное мероприятие, и вслед за Мусей «Интернационал» подхватывают другие приговоренные к смерти.

В Усть-Лабинске и до 1967 г. помнили о Мусе Пинкензоне, рассказывали о нем школьникам, водили их к месту расстрела²², но после выхода книги Ицковича коммеморативная деятельность местных пионеров за-

маленького патриота советской родины! В нем был яркий отпечаток советского детства, без нужды и горя, которое проводят дети советской страны» [Кононенко 1943а].

¹⁹ Книга переиздавалась в 1968, 1974, 1980, 1981 и 1982 гг., была переведена на 16 языков народов СССР и стран соцлагеря.

²⁰ С одной стороны, канон биографий пионеров-героев не подразумевает упоминания их национальностей (благодарю за это замечание Светлану Маслинскую). С другой стороны, замалчивание того, что герой был евреем, могло также быть связано с политической обстановкой — Шестидневной войной 1967 г. и началом антисионистской кампании в СССР. Поскольку автор и сам был евреем, он рисковал быть обвиненным в национализме.

²¹ Эта традиция была задана самым первым изображением казни Муси Пинкензона — рисунком Л. Смехова, который сопровождал очерк Е. Успенской «Сильные духом» [Успенская 1943]. Статья вышла в «Пионерской правде» к 1 сентября, через полгода после заметки Кононенко в «Советской Кубани». На рисунке мы видим мальчика, играющего на скрипке среди мужчин, похожих на бойцов.

²² Помимо того, что нам рассказывали об этом местные жители, сведения о почитании места расстрела также имеются в альбоме «История пионерской организации школы № 1 г. Усть-Лабинска» [История 1962].

метно активизировалась. В 1968 г. школе № 1 было присвоено имя Муси Пинкензона, и на ней была торжественно открыта мемориальная доска. В 1971 г. по инициативе усть-лабинских пионеров и на собранные ими средства на месте расстрела установили новый памятник со скульптурным изображением пионера-героя. В этот же период начался сбор материалов, документов и воспоминаний местных жителей о Мусе Пинкензоне — о чем пионеры отчитывались в машинописных документах, которые сейчас хранятся в Усть-Лабинском краеведческом музее [Работа 1971; 1975].

Авторы большинства воспоминаний о Мусе — устьлабинцы. Некоторые из них жили или живут в других местах, но так или иначе связаны с этим городом, будучи родом оттуда или из соседних населенных пунктов. В качестве дополнительного материала я привлекаю воспоминания Бориса Гендлера, двоюродного брата Муси Пинкензона (в советские годы он жил в Кишиневе, а затем переехал в Израиль) [ГБИ; Гендлер-Пинкензон 2006], и Н. Г. (уроженца Бельц, живущего в Израиле) [Инф. 1]. Большинство воспоминаний о Мусе Пинкензоне доступно только в письменном виде, однако с двумя мемуаристами нам все же посчастливилось поговорить лично [Инф. 1, 2]. Некоторые из устных мемуаров были получены не от самих авторов, а в пересказе других людей: Светлана Володина свидетельствовала о Мусе со слов своей матери Л. Г. Балунец [ВСИ], наш собеседник в Усть-Лабинске рассказывал о воспоминаниях своей школьной учительницы [Инф. 3], а израильтянин [Инф. 1] — о воспоминаниях бабушки и матери.

Доступные нам воспоминания о Мусе Пинкензоне можно разделить на две группы: «ранние», относящиеся к 1960–1970-м годам, и «поздние», 1980–2010-х годов. Обстоятельства получения тех и других различаются. «Ранние» воспоминания появлялись по запросу пионеров, причем мы не знаем, записывали их сами рассказчики или пионеры с их слов. Авторы воспоминаний 1980–2000-х годов делали их достоянием общественности по собственной инициативе: они публично заявляли о знакомстве с Мусей Пинкензоном, писали об этом письма в районную газету «Сельская новь»²³ или приходили в краеведческий музей. Местные журналисты брали у этих людей интервью для публикации в газете или для телесюжета либо они самостоятельно записывали свои воспоминания, и затем их печатали на страницах «Сельской нови».

Всего через полгода после расстрела версии событий уже заметно отличались. Те же воспоминания, о которых идет речь, отстают от событий намного дальше — по меньшей мере на два десятилетия. С течением времени и в процессе многократного пересказа нарратив о реальном событии претерпевает изменения: история становится короче, и из нее пропадают периферийные детали, а то, что противоречит расхожим представлениям, меняется так, чтобы им соответствовать, — и в результате воспоминание оказывается похоже скорее на фабулат, *fictional story*, чем на свидетель-

²³ Так с 1962 г. называется бывшая районная газета «Советская Кубань», ее редакция находится в Усть-Лабинске.

ские показания (см., например: [Blatz, Ross 2009: 226–228]). Часть мемуаров о Мусе можно классифицировать как наивную прозу, поскольку в них заметны следы структурной и стилистической обработки. Авторы воспоминаний часто упоминают, что они многократно выступали с ними публично:

...я стараюсь сейчас всем ребятам донести до сердца подвиг героя, его бесстрашие, смелость [БАИ].

Я часто выступаю перед пионерами школы, где я учился, где учился Муся, стараюсь донести смысл подвига до юных сердец [ЗВФ].

Своим ученикам я часто рассказываю о маленьком скрипаче, о его короткой, но яркой жизни [БНА].

...вижу, как загораются глаза детей, когда я рассказываю о семье Пинкензон [СЭИ].

Таким образом, перед нами мемуары с устоявшимся содержанием и риторически «обкатанной» формой. Некоторые из них являются литературными произведениями [Смотрова 1988; Гендлер–Пинкензон 2006].

В «ранних» и «поздних» воспоминаниях прослеживается ряд общих мотивов, речь о которых пойдет далее, однако они отличаются друг от друга содержательно и стилистически. Воспоминания 1960–1970-х годов, как правило, очень краткие. Их отличает крайняя событийная и описательная бедность — рассказчики практически не добавляют подробностей к тому, что говорилось у Кононенко и Ицковича. Это объяснимо: ко времени, когда были записаны первые мемуары, память очевидцев, которые были знакомы с Мусей давно и недолго, оказалась «отформатированной» многочисленными позднейшими пересказами сюжета о нем. Скучность на детали также можно объяснить жанровой прагматикой самих текстов: поскольку авторы воспоминаний выступали перед пионерами с мемориальными речами и дидактическими рассказами, от них и не требовалось выходить за пределы содержания «официальных источников», даже если они в действительности помнили больше²⁴.

Более поздние рассказчики, наоборот, выступали с длинными повествованиями, полными новых подробностей. Это можно объяснить тем, что они высказывались в других обстоятельствах, в других жанрах и адресовались к другим аудиториям. Среди читателей газетных публикаций 1980–2010-х годов и слушателей на вечерах памяти жертв Холокоста были востребованы скорее драматические сюжеты и детализированные описания, чем клишированные «пионерские» выступления. К тому же, чтобы доказать свою причастность к героической истории Муси Пинкензона, «поздним» рассказчикам требовалось предъявлять больше уникальных

²⁴ Аналогичным образом выступления фронтовиков перед школьниками могли сильно отличаться от рассказов в неофициальной обстановке.

сведений, чем «ранним», которым незачем было доказывать, что они действительно очевидцы, поскольку пионеры сами обращались к ним за свидетельствами.

К 1980–2010-м годам накопилось достаточно много произведений о Мусе Пинкензоне, откуда можно было черпать подробности, и одновременно в живых оставалось все меньше людей, которые могли бы поставить достоверность воспоминаний под сомнение. Иногда «поздние» авторы сами выступали с критикой предшественников, претендуя на то, что их сведения более достоверны:

...мне попала в руки книжечка «Муся Пинкензон». Книга нужная, но поверхностная. Я знаю намного больше. И вот к 40-летию Победы над фашистской Германией я решила написать свои воспоминания [СЭИ].

Почему-то нигде не упоминается, что у Муси была ещё младшая сестра [Григорьева 2014].

Далее я рассмотрю общие для сюжетов разных воспоминаний о Мусе элементы, постараюсь объяснить их происхождение, а также их психологические и социальные функции.

Рассказчик вписывает себя в историю

Большинство авторов воспоминаний — ровесники Муси Пинкензона, поэтому они первым делом сообщают о том, что они с ним вместе учились, жили на одной улице, дружили и играли. По меньшей мере двое из них претендуют на то, что они сидели с Мусей за одной партой. Об этом заявляла В. Н. Вартанова: «В школе мы сидели за партой возле окна» [Григорьева 2014], и, по словам нашего информанта, учительница музыки из адыгейской школы с противоположного берега Кубани:

...я задал ей вопрос: «А вы...», — ну, когда она про это рассказывала, про Мусю Пинкензона. <...> Я говорю: «Вы видели его, Мусю Пинкензона?» А она вот так глаза на меня вытаращила: «Да вы что!!! Я с ним за одной партой сидела!!!» Я так испугался, честное слово! Тишина такая в классе была [Инф. 3].

В книге Ицковича говорится о выступлениях Муси перед ранеными в госпитале, где работал его отец²⁵, — часть рассказчиков сообщает, что они тоже участвовали в концерте или слушали его игру на скрипке:

Я очень любила петь под аккомпанемент Муси, он очень умело играл [БНА].

...под скрипку Муси я танцевала вальс и польку перед ранеными в госпитале [СЭИ].

²⁵ Это подтверждается более ранней записью — в альбоме [История 1962].

Некоторые авторы также вспоминают о знакомстве с родственниками Муси:

Он жил на той же улице, что и я. После занятий мы часто играли вместе, я бывал у него дома, Муся у меня. Я хорошо знал его родных: бабушку, дедушку, отца и мать [ЗВФ].

Я очень хорошо помню их бабушку. Такая добрая, милая и аккуратная была старушка. Ей было уже за 80, волосы седые, почти белые. Она часто приходила к нашей маме, они подолгу беседовали [Григорьева 2014].

В двух мемуарах даже возникает сестра Муси, о которой отсутствуют какие-либо сведения в документах и воспоминаниях родственников (ее, скорее всего, не было):

Мне довелось в 3[-м] классе учиться с его сестренкой Леночкой (или Милочкой?) [СЭИ].

...кажется, ее звали Эля <...>. Очень хорошо её помню, чёрненькая, кудрявая, с двумя косами. Каждая коса — толщиной в три пальца. Она постоянно играла с нами, а по станице гуляла, крепко держась за Мусину руку [Григорьева 2014].

Функция подобных утверждений — подтвердить непосредственное участие рассказчика в важных событиях. Это дает ему право на свидетельство очевидца, наделяет его слова значимостью, а его самого — престижным статусом. С этой же целью Кононенко в заметке выдавала себя за директора школы, в которой учился Муся Пинкензон.

Описание Муси Пинкензона

Характеристика главного героя истории — не менее важный элемент воспоминания, чем объяснение его связи с рассказчиком. Задача описания Муси — продемонстрировать эксклюзивное знание.

В большинстве «ранних» воспоминаний Муся Пинкензон изображен крайне схематично — по сути, авторы просто констатировали, что это был идеальный мальчик, у которого была скрипка. При этом каждый приписывал Мусе те качества, которые сам считал наиболее достойными:

Муся отличался скромностью, аккуратностью. Он был жизнерадостным, любознательным [СЭП].

Ребята полюбили его за отзывчивость, справедливость и еще за умение играть на скрипке [БАИ].

Мальчик был всегда аккуратно одет, воспитан и вежлив [ВСИ].

Единственная, на первый взгляд, индивидуализированная деталь, о которой сообщают «ранние» рассказчики, — то, что Муся Пинкензон носил короткие брючки:

Запомнился он мне в коротких серых брюках, такого же цвета курточке, поверх которой развевался алый пионерский галстук [СЕРП].

Мальчик небольшого роста, в светлой рубашке, в коротких штанишках [ЗВФ].

В различных изданиях книги Ицковича, а также в мультфильме «Скрипка пионера» (1971) Муся изображен в брюках с длинными штанинами. Но не исключено, что «короткие штанишки» ведут свое происхождение от иллюстрации Л. Смехова в «Пионерской правде», где Муся изображен именно так²⁶ [Успенская 1943].

То, как рассказчики описывают взаимоотношения Муси с музыкальным инструментом, по сути, является буквализацией выражения «не расставался со скрипкой». Эта идиома, которая встречается в заметке Кононенко, в обиходе скрипачей означает всего лишь усердные занятия²⁷. В воспоминаниях же Муся буквально повсюду носит инструмент с собой:

Я помню, как Муся был сдержан, не по возрасту серьезен. В руках у него постоянно была скрипка [БНА].

В школе мы сидели за партой возле окна. У Муси была привычка всегда брать с собой скрипку и на уроках класть футляр на подоконник. На перемене он доставал её и играл [Григорьева 2014].

М. С. Гулицкая в своих воспоминаниях наделила его «музыкальными» пальцами: «Он был худощавым темноволосым мальчиком с тонкими длинными пальцами рук. С ним постоянно была рядом скрипка» [Ермак 2003]. Это описание соответствует «народному» представлению о том, как должны выглядеть руки музыканта, в то время как в действительности для скрипачей длина пальцев не имеет значения, а «тонкость» и вовсе противопоказана — наоборот, важно, чтобы они были мускулистыми, с плотными подушечками.

Самое подробное воспоминание о Мусе Пинкензоне оставила учительница школы № 1 Е. П. Сахно. Среди рассказчиков лишь она была знакома с мальчиком, будучи уже взрослой, и от нее, казалось бы, можно было ожидать чуть более индивидуализированной характеристики. Но и ее описание представляет собой не изображение живого человека, а набор клише об идеальном пионере:

На уроках Муся работал с увлечением, всегда давал отличные ответы по всем предметам. <...> Муся охотно и постоянно помогал

²⁶ И вдобавок босиком, хотя расстрел происходил зимой.

²⁷ Благодарю Анну Кирзюк за информацию о практике скрипачей.

товарищам в учебе. Он принимал активное участие в экскурсиях, походах в окрестности станицы Усть-Лабинской <...> Муся участвовал в сборе металлолома и других общественных делах. <...> Муся — общественник, чуткий товарищ, талантливый музыкант, ученик-отличник [СЭП].

Мальчик интересует рассказчицу только в качестве примера для школьников, и свои воспоминания она заканчивает призывом: «Дорогие ребята! Желаю вам успехов в учебе, общественных делах. Высоко несите честь своей дружины, честь своей школы». Авторы «ранних» воспоминаний апеллируют к Мусе как к героическому символу, главная характеристика которого — совершённый им подвиг, поэтому в описании героя просто не остается места для человеческих черт.

В «поздних» воспоминаниях описание Муси Пинкензона намного более детально — поскольку их авторы стремились не столько следовать канону, сколько доказывать, что они знают о юном герое нечто особенное:

Он был плотного телосложения, всегда одетый в белую рубашку, серый пиджачок и короткие, за колена, штаны, слегка присборенные на манжете. Так никто в кубанской станице не одевался. Местные мальчишки и зимой, и летом носили длинные брюки. А Муся даже в морозные зимние дни носил легкое серое пальто, короткие штаны, гольфы и ботинки [Смотрова 1988].

Значит, каким я его запомнила? Не таким, как он здесь изображен на фотографии. Мне казалось, что он должен быть высокий, стройный, темноволосый. На фотографиях у него темно-русые волосы [Инф. 2].

Эти описания иногда противоречат друг другу: Муся то «плотного телосложения», то «высокий, стройный». У Смотровой «Мусю <...> за его скромность, мягкую уступчивость, готовность дружить с каждым, никогда не дразнили и не задевали» [Смотрова 1988], а у сестер Вартановых «местные мальчишки его постоянно дразнили и лезли драться», поскольку «он был очень робкий и стеснительный» [Григорьева 2014].

О реальных внешности и характере Муси Пинкензона известно довольно мало. Доступна всего одна прижизненная фотография 6–7-летнего Муси, которая была добыта и растиражирована усть-лабинскими пионерами лишь в 1970-е годы. Тогда же по инициативе пионеров были записаны воспоминания двоюродного брата Муси Бориса Гендлера, в которых мальчик предстает наиболее похожим на реального человека, однако они не были широко известны. Для большинства авторов воспоминаний образ Муси был «пустым» пространством, на которое они проецировали клише, бытовые стереотипы, буквализованные идиомы, сведения, почерпнутые в медиасреде, и, наконец, свои собственные представлениями о должном и правдоподобном.

Оказание услуг Мусе Пинкензону и /или его родственникам

Авторы «поздних» воспоминаний часто сообщают, что они помогали Мусе или членам его семьи — одалживали бабушке Муси соль и спички, носили Пинкензонам еду в тюремную камеру и т. п.:

...однажды папа на выходной приехал домой, сказал, что мальчик Муся хочет <...> посмотреть город Краснодар. <...> И мама сказала: «Если хотят, чтобы мы показали мальчику Краснодар, привози в Краснодар мальчика» [Инф. 2].

Так как мы учились в одном классе, а жили рядом, как-то раз к нам пришла мама Муси (Феня Моисеевна) и попросила меня, чтобы в школу и домой мы ходили вместе с её сыном. <...> Мне приходилось отбивать Мусю от хулиганов портфелем [Григорьева 2014].

Подобные утверждения усиливают связь между рассказчиком и героем: автор воспоминания оказывается в какой-то степени причастным к его подвигу. Помимо этого, рассказ об оказании услуги служит дополнительным подтверждением права рассказчика на свидетельство — например, если он заявляет, что Муся жил в его доме.

О месте жительства семьи Пинкензон в Усть-Лабинске известно, что оно находилось на улице Демьяна Бедного, но о номере дома версии разнятся. В пионерском альбоме сообщается, что это был дом № 210, и даже приводится его фотография [История 1962]. В книге Ицковича упоминается, что Пинкензоны жили в доме Полины Ивановны Калёновой. В пионерском отчете 1975 г. сообщается об установлении контакта с некой Коленовой, хозяйкой того самого дома [Работа 1975], Э. И. Смотровая пишет, что Муся жил в доме Федора и Петра Коленовых, а Л. Н. Вартанова в 2014 г. сообщала, что это был «дом, кажется, 169 [по ул. Демьяна Бедного], у дяди Пети Калёнова» [Григорьева 2014]. Скорее всего, речь идет об одних и тех же доме и семье. Тем не менее в 2018 г. в краеведческий музей пришла бывшая местная жительница С. И. Володина и, ссылаясь на свою мать Л. Г. Балунец, заявила, что Пинкензоны жили у нее в доме по другому адресу — ул. Демьяна Бедного, д. 180/2 [ВСИ].

Рассказ об услуге выполняет и компенсаторную функцию. Тот факт, что местные жители не смогли предотвратить гибель юного героя, вызывает у них желание рассказать по крайней мере о своей положительной роли в его истории. В пионерском альбоме 1962 г. говорится о просьбе устьлабинцев за Мусю Пинкензона перед оккупантами: «Когда группу советских людей вели на расстрел, жители просили немцев отпустить мальчика Мусю, но палачи не слушали никого» [История 1962]. Этот фрагмент повторяет эпизод с попыткой спасения мальчика из описания казни у Кононенко: «Отец стал просить жандармов не убивать его сына. Звероподобные полицейские стали смеяться и бить его палками...» [Кононенко 1943] — но намерение спасти Мусю приписывается станичникам.

Наконец, услуга Мусе может быть и посмертной: сестры Вартановы рассказывают о том, как они после войны бойкотировали полицая К., который, по их утверждению, сдал Пинкензонов немцам, — тем самым символически восстанавливая справедливость. Этот элемент воспоминания можно связать с другим популярным устным сюжетом о Холокосте — о сверхъестественном воздаянии коллаборационистам²⁸.

Отказ от спасения

В мемуарах о Мусе Пинкензоне встречается еще один распространенный сюжетный элемент — рассказ об отказе жертвы от спасения:

Всякий раз я предлагал Мусе уйти из станицы на хутор к знакомым. Но он отклонял мои просьбы и говорил: «Погибать так всем, всей семьей!» В последний раз я его видел в конце декабря, встретились мы на улице, и разговор наш был прежний, о его судьбе. Муся и на этот раз отказался от помощи [ЗВФ].

Когда немцы приближались, отцу сказали, что если он сдаст свою подводку, ему разрешат эвакуироваться. Уговаривал Пинкензонов эвакуироваться, но они отказались уйти, так как думали, что не все немцы фашисты. Привели в пример немецких поэтов и композиторов. Они хорошо устроились врачами, думали, что немцев тоже будут лечить [Инф. 2].

Похожие истории мы фиксировали практически на всех исследованных нами бывших оккупированных советских территориях [Каталог]. Рассказ об отказе от спасения расширяет и отчасти дублирует предыдущий сюжетный элемент, «оказание услуги», — поскольку здесь тоже речь идет о попытке рассказчика спасти жертву. Функция обеих этих историй — компенсация чувства вины рассказчика, который, в отличие от героя, выжил. Автору воспоминания важно показать, что он сам или его родственники предприняли все возможное, но жертва сама выбрала свою участь.

Наконец, история об отказе от спасения — еще один вариант реализации упомянутого ранее мотива «героический жест перед казнью»: герой разделяет участь с товарищами, подопечными и т. п., хотя имеет шанс спастись. Так же, например, поступает мальчик в стихотворении Виктора Гюго «Кровавая неделя» (*La Semaine sanglante*), который просит перед казнью разрешения отнести матери часы и возвращается, хотя его никто не ждал. Говоря об историях, связанных с Холокостом, следует упомянуть подвиг чешского педагога и писателя Януша Корчака, который добровольно разделил участь со своими воспитанниками из дома сирот.

²⁸ Бывшие полицейские подвергаются всеобщему остракизму, сходят с ума, спиваются, умирают позорной и мучительной смертью, их потомки несчастны и т. д. [Каталог].

Рассказ о собственных бедах

Компенсирующую функцию также выполняют истории о том, как сам рассказчик или его родственники чудом избежали смерти. Так, некоторые авторы заявляли, что они сидели с Мусей Пинкензоном в одной тюремной камере:

Через некоторое время мы встретились с ним в тюремной камере, куда я попала вместе с родителями. Мы все были приговорены к расстрелу. <...> Мне с родителями чудом удалось спастись, а все остальные 378 граждан были расстреляны [БНА].

Причина, по которой рассказчица попала в тюрьму, и то, каким образом она спаслась, в мемуаре не описаны. Еще одно свидетельство о пребывании в тюрьме было процитировано в статье «Именем юного героя» пионервожатой школы № 1 В. Хариной²⁹:

«Здесь нас держали два-три дня. Дети плакали, просили пить. Среди арестованных была и семья Пинкензон. Мальчик, лет двенадцати, всегда бережно прижимал к груди скрипку», — вспоминает о тех страшных днях Е. А. Гольденберг, которой удалось спастись.

В воспоминаниях рассказчиков-евреев описывается их собственное бегство от оккупации, полное опасностей:

...моя бабушка, когда уходила в эвакуацию, она уходила в эвакуацию с ихней семьей. <...> когда немцы прорвали фронт, моя бабушка успела уехать, а его родители не успели уехать, потому что они были мобилизованы в Красную армию как врачи, и Муся остался вместе с ними [Инф. 1].

Дорога была очень сложная, очень тяжелая <...>. Мы ехали на подводе, потом в Сочи папа сдал подводу и лошадей, мы просидели в каком-то саду <...> Потом <...> мы доехали до Сухуми. Потом мы в Сухуми пересели, доехали до Баку. В Баку мы ждали корабля — через Каспийское море. Мы переехали через Каспийское море, оказались в Красноводске. Мы сели на поезд, доехали до города Чарджоу, областной центр в Туркмении, и там и высадились [Инф. 2].

Длинная вереница людей двигалась по дороге. Нехитрый скарб, узлы с вещами, небольшие чемоданы погрузили в единственную подводу, дети, как и взрослые, шли пешком, лишь на некоторое время их по очереди усаживали на подводу, чтобы они могли немного передохнуть. Палило жаркое июльское солнце, на бреющем полете пролетали немецкие самолеты и обстреливали

²⁹ Статья хранится в архиве усть-лабинской средней общеобразовательной школы № 1 в виде вырезки без указания даты и места публикации.

колонну беженцев, тогда мы немедленно разбегались в разные стороны и прятались в поле пшеницы или подсолнуха, которые тянулись по обе стороны от дороги [Гендлер-Пинкензон 2006].

Рассказ о своих бедах выполняет компенсаторную функцию иначе, чем предыдущие два: в этом случае автор воспоминания сообщает, что его семья и не могла спасти Мусю Пинкензона, поскольку они тоже были жертвами. Кроме того, это пробуждает у аудитории сочувствие не только герою истории, но и рассказчику.

Рассказ о расстреле

Расстрел — это ключевой эпизод истории Муси Пинкензона. Как было показано в начале статьи, версия о казни в присутствии местных жителей уязвима для критики. Впрочем, большинство авторов воспоминаний и не утверждало, что они своими глазами видели расстрел и/или слышали исполнение «Интернационала». Самое большее, что они описывают, — увод мальчика из дома: по словам М. Репешук, она видела из окна, как Мусю вместе со скрипкой сажают на подводу и увозят [РМ], а Л. Г. Балунец, со слов ее дочери С. И. Володиной, утверждала, что видела из окна, как ведут приговоренных к расстрелу, и Муся помахал ей рукой [ВСИ]. В данном случае речь могла идти о пути не к месту расстрела, а к месту сбора в тюрьме — согласно упомянутому выше интервью Б. И. Новикова, станичники не раз наблюдали, как евреев забирали из домов, сажая стариков и детей на подводы; их также приводили из соседних населенных пунктов и гнали по улицам колоннами [Novikov 2010]. Два «ранних» рассказчика прямо сообщали о том, что они узнали о расстреле уже постфактум:

В одну из страшных ночей был арестован Муся с семьей. Через некоторое время мы узнали о том страшном расстреле в крепости [БАИ].

Дней через 15 Муси не стало. Вся станица заговорила о стойкости и мужестве Муси, заигравшего «Интернационал» и не просившего пощады [ЗВФ].

Описание сцены самого расстрела стало появляться только в некоторых из «поздних» воспоминаний. В 1988 г. в «Сельской нови» был опубликован рассказ Э. И. Смотровой «На высоком берегу Кубани» — хотя редакция представила его читателям как воспоминания очевидца «кровавой расправы над советскими людьми», перед нами произведение с большой долей вымысла. Автор, которой во время оккупации было 9–10 лет, подробно описывала сцены, свидетельницей которых она быть не могла, — например, разговор доктора Пинкензона с немецким офицером в госпитале и пытки в комендатуре. При этом Смотровая описывает расстрел так, как будто сама была среди жертв или в расстрельной команде, — расска-

звая об эмоциях участников событий, о том, как немец притоптывал в такт мелодии «Интернационала», пока не понял, что звучит, и даже о позе, в которой упал убитый герой:

Мальчик, вдруг, согнувшись, упал. Но даже мертвый, Муся, как бы оберегая звуки, держал скрипку над собой в неловко вывернутой руке [Смотрова 1988].

На статус свидетельниц расстрела также претендовали сестры Л. Н. и В. Н. Вартановы, интервью с которыми вышло в той же газете в 2014 г. Они утверждали, что не только видели, как Пинкензонов забирали на расстрел, но и слышали исполнение «Интернационала» [Григорьева 2014]. Однако, по словам главного редактора «Сельской нови» В. Н. Гостевой, после публикации этого материала в редакцию позвонил пожилой мужчина с обвинениями во лжи. По его словам, во время расстрела он, будучи подростком, прятался в кустах (возможно, это как раз был Б. И. Новиков, хотя его фамилию наша собеседница не назвала) — и никакого «Интернационала» не было. Еще одна наша собеседница, в прошлом возглавлявшая Усть-Лабинский краеведческий музей [Инф. 4], ссылаясь на воспоминание Б. И. Новикова как на доказательство того, что «Интернационал» был. При этом она трактовала слова Новикова совершенно противоположным образом — на самом деле он говорил, что ничего подобного не слышал.

Таким образом, мы видим, что чем позже записано воспоминание, тем более рассказчик уверен в том, что исполнение Мусей Пинкензоном «Интернационала» имело место, и тем охотнее он описывает подробности расстрела. Более того, свидетельство о героическом жесте Муси приписывается даже тому очевидцу, который в действительности утверждал обратное.

Итак, в воспоминаниях о Мусе Пинкензоне прослеживается шесть общих сюжетных элементов: 1) вписывание себя в историю; 2) описание внешности и характера героя; 3) оказание услуги герою; 4) отказ героя от спасения; 5) рассказ о собственных бедах и 6) описание расстрела. 1-й, 2-й, 6-й, а также отчасти 3-й элементы удостоверяют причастность рассказчика к важным событиям; 3-й, 4-й и 5-й выполняют компенсаторную функцию для рассказчика, которому важно подчеркнуть, что он и его родственники помогали герою, пытались спасти его, пусть и безуспешно, и что им самим удалось избежать гибели лишь благодаря случайности.

Анализ всех этих элементов, общих для сюжетов разных воспоминаний, показывает, что те из них, чья функция не является «служебной» (валидизирующей или компенсаторной), происходят из внешних источников — воспоминаний предшественников, фольклора, литературы и медиасреды. Основным содержанием мемуаров о Мусе Пинкензоне, таким образом, стал не столько личный опыт рассказчиков, сколько усвоенное ими «общее достояние». Если же в воспоминании появляется какая-то совершенно новая деталь или эпизод (наличие у Муси сестры, экскурсия по Краснодару и т. п.), они не подтверждаются другими источниками и выглядят как аберрация памяти или даже вымысел.

«Помнящее сообщество» и его интересы

В течение послевоенных десятилетий в Усть-Лабинске вокруг фигуры Муси Пинкензона сложилось нечто похожее на то, что Франческа Каппеллетто назвала «мнемоническим сообществом» [Cappeletto 2003]. Местные жители, в первую очередь пионеры и их педагоги, создавали и поддерживали его, собирая материалы о Мусе, проводя мемориальные митинги возле его памятника и пересказывая воспоминания о нем. По словам Каппеллетто, в «мнемоническом сообществе» воспоминания отдельных людей перемешиваются друг с другом, составляя ту картину представлений об историческом событии, которую они все разделяют [Cappeletto 2003: 245]. Память о Мусе Пинкензоне наряду с этим включает образы, почерпнутые в СМИ и литературе, расхожие представления о музыкантах, а также стремление рассказчиков предстать перед аудиторией в наилучшем свете.

Еще Морис Хальбвакс [2007] писал о том, что наши воспоминания суть социальный конструкт. Наша историческая память складывается под влиянием книг, фильмов, а также текущей политической обстановки и той картины мира, которую мы разделяем. Нет ничего удивительного в том, что авторы воспоминаний о Мусе Пинкензоне «помнили» только то, что, по общему убеждению, они должны были помнить, и конструировали содержание своих мемуаров из прочитанного и услышанного. В литературе по исторической памяти неоднократно был описан феномен ложных воспоминаний, которые бывают практически полностью сформированы информационной средой, хотя их носители убеждены в их реальности и испытывают в связи с ними сильные эмоции [Вельцер 2005; Портелли 2005; Ассман 2014].

Показательно, что половина авторов мемуаров о Мусе Пинкензоне — учителя³⁰. Именно они чаще других соприкасались со школьным патриотическим дискурсом, частью которого была история этого пионера-героя, и участвовали в посвященных ему мемориальных практиках. Статус свидетеля и очевидца привлекает к рассказчику внимание и поднимает его авторитет³¹, поэтому не случайно учителя часто «вспоминали» о Мусе Пинкензоне, уже будучи на пенсии. Например, М. С. Гулицкая начала рассказывать о знакомстве с Мусей только в 2000-е годы во время посещения краснодарской еврейской общины руководителем центра «Холокост» И. А. Альтманом. Это позволило ей получить от окружающих то внимание, которого ей, вероятно, недоставало:

³⁰ Среди них Е. П. Сахно, Н. А. Банная из хутора Железного, Э. И. Смотровая из Челябинска, С. И. Володина из Москвы, М. С. Гулицкая из Краснодара, учительница нашего информанта Рашида из Адыгеи, а также израильтянин Н. Гринберг, который руководит кружком подростков, интересующихся военной тематикой.

³¹ Е. П. Сахно подписалась под своими воспоминаниями так: «Заслуженная учительница школы РСФСР, бывшая учительница пионера-героя Муси Пинкензона Сахно Елена Петровна» [СЭП]. Борис Иосифович Гендлер после переезда в Израиль поменял имя на *Бецальель Гендлер-Пинкензон*, прибавив к своей фамилии фамилию героического двоюродного брата.

И с тех пор пошла моя слава по городу, по краю и так далее. В конце концов узнали в Москве об этом и стали меня приглашать. В Краснодаре в школы накануне 27 января, раньше, позже и так далее [Инф. 2].

В то же время авторы воспоминаний о Мусе несомненно были искренними в убеждении, что все происходило именно так.

Потребность в появлении мемуаров о Мусе Пинкензоне возникла после того, как его история получила известность на всесоюзном уровне — после выхода в 1967 г. книги Ицковича. Иметь «своего» признанного пионера-героя было престижно и выгодно, в первую очередь для местного отделения пионерской организации [Леонтьева 2014: 256–259]³², но и для города тоже. Согласно Каппелетто, одна из целей «мнемонического сообщества» — утвердить «право собственности» на важное историческое событие и память о нем: члены группы стремятся продемонстрировать эксклюзивность своего знания и получить от внешней аудитории признание именно своей версии событий [Cappelletto 2003]. Исходя из интересов своего «помнящего сообщества», усть-лабинские пионеры обращались к авторам воспоминаний, чтобы те засвидетельствовали, что события были в точности такими, как написано у Кононенко и Ицковича, — ведь Усть-Лабинск и школа № 1 прославились благодаря именно этому нарративу.

Наряду с «канонической», существует и даже озвучивается публично «альтернативная» версия, согласно которой массовый расстрел имел место, а исполнения «Интернационала» не было. Но поскольку эта версия не востребована среди членов мемориального сообщества, они попросту не обращают на нее внимание. Более того, рассказ Б. И. Новикова о расстреле в их восприятии даже может менять свой смысл на противоположный.

Хотя устьлабинцы всегда знали, что в истории Муси Пинкензона речь идет о жертвах Холокоста, этот факт для них не значим. На памятнике Мусе и на информационном стенде рядом с ним по-прежнему ни разу не упоминается слово *еврей*, и это тоже, на мой взгляд, обусловлено интересами местного «помнящего сообщества», для которых евреи с их мемориальной культурой жертв Холокоста являются конкурентами.

Для устьлабинцев намного важнее, что Муся погиб «с оружием в руках», — клише «скрипка как оружие» повторяется во множестве произведений и публикаций о подвиге Муси Пинкензона. 387 человек, расстрелянных вместе с ним, остаются безликими и безымянными, при этом они считаются «жителями станицы», хотя подавляющее большинство было приезжими. Впрочем, милитаризованная слава Муси влияет и на то, как

³² Почитание пионеров-героев входило в обязательную программу работы пионерских отрядов, и если местного героя не было, приходилось искать объект поклонения «на стороне», доказывая свое право носить его имя. Наши информанты в Усть-Лабинске рассказывали нам о гордости за Мусю Пинкензона именно в качестве местного героя, а также о том, что они испытывали зависть к пионерам из школы № 1 из-за того, что их «право» на него было приоритетным.

воспринимают этих людей. Так, по словам учительницы из школы № 1, во время мероприятий ее ученики отдают дань памяти «похороненным там героям» [Инф. 5]. В 2022 и 2023 гг. мы видели на мемориале венки с надписями на траурных ленточках «Павшим воинам в ВОВ» и «Героям-освободителям».

Заключение

В этой статье мы на примере истории гибели Муси Пинкензона проследили, каким образом и под влиянием каких факторов могут складываться представления об историческом событии. Мы увидели, что версия, которая была создана с пропагандистскими целями московской журналисткой на основе фольклорно-литературного мотива «героическое музицирование на пороге смерти», практически полностью вытеснила реальный опыт очевидцев и даже вызвала к жизни ложные воспоминания. Это произошло благодаря тому, что «официальная» версия соответствовала интересам местного «помнящего сообщества», в то время как «альтернативная» версия — нет. Этому также способствовало то, что большинство вспоминающих о Мусе Пинкензоне — учителя, т. е. люди, которые дольше и интенсивнее, чем другие, взаимодействовали с материалами, транслирующими именно «официальную» версию.

Я рассматривала мемуары о Мусе Пинкензоне как часть определенной литературно-фольклорной традиции, отсылающей к левореволюционной героике. Подвергнув анализу содержание воспоминаний, я выделила ряд повторяющихся сюжетных элементов и при этом обнаружила, что многие из них служат личным интересам рассказчика: подтверждают его право на свидетельство о важном историческом событии, указывают на эксклюзивность его знания, подчеркивают его положительную роль в трагической истории, а также снимают с него или его родных ответственность за неспособность спасти героя от гибели. Немаловажно и то, что подобное свидетельство привлекает к автору мемуара внимание и поднимает его статус в сообществе.

Таким образом, мы видим, что историческое воспоминание — это сложный продукт, с одной стороны, социально-политической, культурной и информационной среды, а с другой — личных интересов рассказчика.

Источники

Опубликованные

Беляев, Бондарь 2005 — Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1942: Раскритиченные документы. Хроника событий: В 3 кн. / Сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар: Диапазон-В, 2005.

- Бровка 2020 — *Бровка В. П.* Дети войны. Т. 2. [Б. м.]: ЛитРес; Самиздат, 2020.
URL: https://online-biblio.tk/bookid_51399284.
- Великанов 1962 — *Великанов В.* Раненая скрипка // Путь отважных: Рассказы / Сост. С. Баруздин. М.: Детгиз, 1962. С. 101–108.
- Виноградский 1951 — *Виноградский Ф.* Песня о юном скрипаче // Армавирская коммуна: [Газ.]. 1951. 6 апр.
- Гендлер-Пинкензон 2006 — *Гендлер-Пинкензон Б.* Дети войны // Бельцы: рассказы и воспоминания; сборник / Сост. А. Гойхман. Иерусалим: [б. и.], 2006. С. 63–76.
- Григорьева 2014 — *Григорьева И.* Жизнь и смерть семьи Пинкензон // Сельская новь: [Газ.; Усть-Лабинск]. 2014. 21 июня.
- Гусев 1948 — *Гусев А.* Три беседы. М.: Мол. гвардия, 1948.
- Ермак 2003 — *Ермак В.* Каким ты был, Муся? // Сельская новь: [Газ.; Усть-Лабинск]. 2003. 16 дек.
- Игнатова 2023 — Вспомним те горящие года: Лит.-ист. сб. / Под ред. Т. Н. Игнатовой. Краснодар: Книга, 2023.
- Имени Героя б. д. — Имени Героя будем достойны // МБОУ СОШ № 1 имени А. В. Суворова [Усть-Лабинск]. [Б. д.]. URL: http://school1ustlab.ucoz.ru/index/imeni_geroja_budem_dostojny/0-121.
- Ицкович 1967 — *Ицкович С.* Муся Пинкензон. М.: Малыш, 1967.
- Каменкович 1970 — *Каменкович И.* Ночь плачущих детей. Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1970. Кононенко 1943а — *Кононенко Е.* Как погиб Муся Пинкензон // Советская Кубань: [Газ.; Усть-Лабинская]. 1943. 9 мая.
- Каталог — Каталог устных рассказов об оккупации и Холокосте // Архив проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы».
- Кононенко 1943б — *Кононенко Е.* Перед судом народа. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Кононенко 1945 — *Кононенко Е.* Слава советским детям! // Правда: [Газ.]. 1945. 21 мая.
- Народный герой 1942 — Народный герой Александр Чекалин // Известия: [Газ.]. 1942. 5 февр.
- Смотрова 1988 — *Смотрова Э. И.* На высоком берегу Кубани // Сельская новь: [Газ.; Усть-Лабинск]. 1988. 24 дек.
- Успенская 1943 — *Успенская Е.* Сильные духом: Перед казнью // Пионерская правда. 1943. 1 сент.
- Южная 1943 — *Южная Д.* Зверства гитлеровцев в Усть-Лабинском районе // Советская Кубань: [Газ.; Усть-Лабинская]. 1943. 4 апр.
- Novikov 2010 — Oral history interview with Boris Novikov [2010, May 13] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn45045>.

Архив Усть-лабинского краеведческого музея

- БАИ — *Бакиева Анна Ильинична.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- БНА — *Банная Надежда Алексеевна.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- ВСИ — *Володина Светлана Ивановна.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- ГБИ — *Гендлер Борис Иосифович.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- ЗВФ — *Забашта Владимир Федорович.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
- История 1962 — История пионерской организации школы № 1 г. Усть-Лабинска: [Рукописный альбом]. 1962.

- Работа 1971 — Работа вокруг имени героя: [Рукопись]. 1971.
Работа 1975 — Работа вокруг имени пионера-героя Кубани бывшего ученика нашей школы, Муси Пинкензон: [Рукопись]. 1975.
РМ — *Ренецук М.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
СЕП — *Сахно Елена Петровна.* Воспоминания: [Рукопись]. Не датировано.
СЭИ — *Смотровая Эмма Ильинична.* Письмо от 13 октября 1984 г.

Список информантов

- Инф. 1 — Г. Н., 1963 г. р., Ашдод (Израиль), зап. А. С. Архипова, И. Зислин в 2021 г.
Инф. 2 — Г. М. С., 1933 г. р., Краснодар, зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская в 2022 г.
Инф. 3 — Р., ок. 1962 г. р., Усть-Лабинск, зап. М. В. Гаврилова, И. В. Козлова в 2023 г.
Инф. 4 — И. Т. Н., бывшая директор Усть-Лабинского краеведческого музея, Усть-Лабинск, зап. И. В. Козлова в 2023 г.
Инф. 5 — Б. И. А., 1981 г. р., Усть-Лабинск, зап. М. В. Гаврилова в 2023 г.

Литература

- Альтман 2002 — *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР: 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002.
Альтман 2005 — *Альтман И.* Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 509–530.
Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
Блюм 1996 — *Блюм А. В.* Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917–1991. СПб.: Петерб. евр. ун-т, 1996.
Вельцер 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Пер. с нем. К. Левинсона // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 51–63.
Келли 2009 — *Келли К.* Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя / Пер. с англ. И. Смиренской. М.: Нов. лит. обозрение, 2009.
Копосов 2011 — *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
Леонтьева 2014 — *Леонтьева С. Г.* Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 249–259.
Портелли 2005 — *Портелли А.* Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ / Пер. с англ. Е. Канищевой // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / [Ред.-сост. М. Габович]. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. С. 463–480.
Тажиудинова 2019 — *Тажиудинова И. Г.* Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) // Наследие веков. 2019. № 3. С. 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf.
Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд.-во, 2007.

- Blatz, Ross 2009 — *Blatz C. W., Ross M.* Historical memories // Memory in mind and culture / Ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 223–237.
- Cappeletto 2003 — *Cappeletto F.* Long-term memory of extreme events: From autobiography to history // The Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 9. No. 2. 2003. P. 241–260.
- Harris 2011 — *Harris A. M.* The lives and deaths of a Soviet saint in the post-Soviet period: The case of Zoia Kosmodem'ianskaia // Canadian Slavonic Papers. Vol. 53. No. 2–4. 2011. P. 273–304.
- Loftus, Palmer 1974 — *Loftus E. F., Palmer J. C.* Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. Vol. 13. No. 5. 1974. P. 585–589.
- Oring 2008 — *Oring E.* Legendry and the rhetoric of truth // Journal of American Folklore. Vol. 121. 2008. P. 127–166.
- Rebrova 2020 — *Rebrova I.* Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin; Boston; Wien: De Gruyter Oldenbourg, 2020.
- Schacter 2001 — *Schacter D. L.* The seven sins of memory: How the mind forgets and remembers. Boston; New York: Houghton Mifflin, 2001.
- Zeltser 2019 — *Zeltser A.* Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem, 2019.

References

- Al'tman I. A. (2002). *Zhertvy nenavisti: Kholokost v SSSR: 1941–1945 gg.* [Victims of hate: The Holocaust in the USSR: 1941–1945]. Fond “Kovcheg”. (In Russian).
- Al'tman, I. A. (2005). Memorializatsiia Kholokosta v Rossii: istoriia, sovremennost', perspektivy [Memorialization of the Holocaust in Russia: history, modernity, prospects]. In M. Gabovich (Ed.). *Pamiat' o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa* (pp. 509–530) (2nd ed.). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck.
- Blatz, C. W., & Ross, M. (2009). Historical memories. In P. Boyer, & J. V. Wertsch (Eds.). *Memory in mind and culture* (pp. 223–237). Cambridge Univ. Press.
- Blium, A. V. (1996). *Evreiskii vopros pod sovetskoi tsenzuroi: 1917–1991* [The Jewish problem under Soviet censorship: 1917–1991]. Peterburgskii evreiskii universitet. (In Russian).
- Cappeletto F. (2003). Long-term memory of extreme events: From autobiography to history. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 9(2), 241–260.
- Halbwachs, M. (1994). *Les cadres sociaux de la mémoire*. Albin Michel.
- Harris, A. M. (2011). The lives and deaths of a Soviet saint in the post-Soviet period: The case of Zoia Kosmodem'ianskaia. *Canadian Slavonic Papers*, 53(2–4), 273–304.
- Kelly, C. (2005). *Comrade Pavlik: The rise and fall of a Soviet boy hero*. Granta Books.
- Koposov, N. E. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [High security memory: History and politics in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Leont'eva, S. G. (2014). Pioner — vsem primer [Pioneer is an example to everyone]. *Otechestvennye zapiski*, 2014(3), 249–259. (In Russian).
- Loftus, E. F., & Palmer, J. C. (1974). Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 13(5), 585–589.
- Oring, E. (2008). Legendry and the rhetoric of truth. *Journal of American Folklore*, 121, 127–166.

- Portelli, A. (2002). The massacre at the Fosse Ardeatine: history, myth, ritual, and symbol. In K. Hodgkin, & S. Radstone (Eds.). *Contested pasts: The politics of memory* (pp. 29–41). Routledge; Kegan Paul.
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Schacter, D. L. (2001). *The seven sins of memory: How the mind forgets and remembers*. Houghton Mifflin.
- Tazhidinova, I. G. (2019). Mediatizatsiia temy prestuplenii nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov i ikh posobnikov (na primere Krasnodarskogo protsessa, 1943) [Mediatization of the theme of crimes of the German-Fascist Invaders and their accomplices (on the example of the Krasnodar Trial in 1943)]. *Nasledie vekov, 2019*(3), 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf. (In Russian).
- Welzer, H. (2005). Die Gegenwart der Vergangenheit: geschichte als Arena der Politik. *Osteuropa, 55*(4/6), 9–18.
- Zeltser, A. (2019). *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Yad Vashem.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Мария Владимировна Гаврилова
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
научный сотрудник, Учебно-научный
центр типологии и семиотики
фольклора, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва,
Миусская пл., д. 6
✉ mariaavl.gavrilova@gmail.com

Maria V. Gavrilova
Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center
for Theoretical Folklore Studies, School
for Advanced Studies in the Humanities,
Institute for Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Researcher, Centre for Typological and
Semiotic Folklore Studies, Russian
State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
✉ mariaavl.gavrilova@gmail.com